

Сучэнская первая старшая школа проводила осеннюю спортивную спартакиаду. Весь стадион был забит народом, и со всех сторон доносились оглушительные выкрики. В данный момент проходил забег на двести метров среди юношей второго года обучения. Ху Чанцин стоял на беговой дорожке, разминая руки и ноги. Сделав пару глубоких вдохов, он обвел взглядом толпу и тут же нашел того самого молчаливого парня. Несмотря на то что вокруг было столько людей, он заметил его мгновенно. Ху Чанцин невольно улыбнулся, и эта улыбка вызвала волну восторженных визгов у стоявших поблизости девушек.

— Приготовиться!

Раздался выстрел: Бах!

— Марш!

Пятеро бегунов на дорожке разом рванули вперед, и в этот момент трибуны взорвались ликованием.

Гу Бэйхай молча стоял в толпе, не сводя глаз с Ху Чанцина. Он бежит так быстро, уже обогнал двоих... Шаг слишком широкий, как бы он не упал...

— Сейчас прибегут, сейчас! Пошли к финишу! — девушки гурьбой бросились к финишной черте, размахивая полотенцами и бутылками с водой.

Ху Чанцин не был силен в беге, но, к счастью, двести метров — это всего один круг, так что, стиснув зубы, можно было дотянуть до конца. Финишировав вторым, он остался вполне доволен собой.

Первое место уже принимало поздравления от девушек; Ху Чанцин бросил взгляд в ту сторону — там царило полное оживление: кто-то помогал вытирать пот, кто-то подавал воду. Эх, вот бы и мне такое внимание, — пробормотал Ху Чанцин и направился к выходу со стадиона. Пройдя пару шагов, он вдруг обернулся и долго искал глазами в толпе, но так его и не нашел.

Утренние соревнования подошли к концу. После обеда и короткого отдыха наступала очередь забега на длинную дистанцию — это было главным событием дня. Ху Чанцин прикинулся: кажется, тот парень бежит полтора километра?

Во время спартакиады ученикам запрещалось покидать территорию, поэтому столовая была переполнена — очередь в окно, где обедал Ху Чанцин, растянулась почти до самых дверей.

— Откуда здесь столько народу? Может, ну его, не будем есть? — Цзин Сянци смотрел на это море голов и не решался сделать и шагу внутрь.

Ху Чанцин покосился на него: — Ты не бегал, тебе не голодно, а я проголодался до смерти.

Двести метров — дистанция вроде бы небольшая, но для такого человека, как Ху Чанцин, который придерживался принципа, что жизнь заключается в покое, второе место было сродни достижению вершины своей жизни.

Цзин Сянци окинул его взглядом с ног до головы: — Если подумать, с твоим-то телосложением взять второе место — я тебя явно недооценил.

— Пф, это у тебя телосложение хилое.

— Ну да, я всегда был тщедушным. Посмотри на мои тонкие ручки и ножки, чуть тронь — и сломаются, — Цзин Сянци погладил свою руку и довольно улыбнулся.

Ху Чанцин не понял, чему тот радуется, и отвесил ему щелбан: — Идиот.

— Ты чего дерешься! — Цзин Сянци сердито развернулся и обнаружил, что очередь почти не продвинулась. — Слушай, Цинцин, давай сходим в магазинчик, купим чего-нибудь перекусить. Пока эта очередь дойдет до нас, время дневного сна уже закончится.

Ху Чанцин посмотрел вперед и увидел, как двое парней нагло влезли без очереди. — Ладно, пошли в магазин.

Цзин Сянци не ожидал, что тот так легко согласится, и даже на секунду растерялся, а затем потащил его за собой, боясь, что тот передумает. Надо знать, что Ху Чанцин за весь семестр заглядывал в тот магазинчик всего пару раз.

В магазинчике тоже было яблоку негде упасть. Ху Чанцин с трудом протиснулся внутрь и выбрался обратно, сжимая в руке стакан лапши быстрого приготовления. Цзин Сянци же, в отличие от него, даже попросил пакет и тоже взял стакан лапши.

— Фух, наконец-то можно дышать, — Цзин Сянци подбежал к Ху Чанцину и, увидев, что у того только лапша, спросил: — Ты почему так мало взял? Наешься ли?

Ху Чанцин поджал губы: — Наемся.

— Врешь! На, у меня есть сосиски и хлеб, держи, — Цзин Сянци был невероятно щедр.

— Не надо, оставь себе.

— Чего ты со мной церемонишься? У меня в классе еще куча еды, бери давай. Потом не наешься, начнет болеть живот, заболит живот — придется отпрашиваться с уроков, отпросишься — отстанешь от программы. Забыл, как в прошлый раз из-за этого плохо написал экзамен? Такой большой уже, а о себе позаботиться не умеешь... — Цзин Сянци продолжал

ворчать, запихивая почти все купленное в руки Ху Чанцину.

Ху Чанцин выслушал его и, улыбнувшись, не стал больше отказываться, приняв всё. — Ну, спасибо моему маленькому Сянцы, какой ты заботливый.

Сказав это, он свободной рукой ущипнул его за щеку.

Цзин Сянцы, которого так поддразнили, от возмущения покраснел до корней волос: — Не трогай мое лицо! Сколько раз тебе говорить!

Ху Чанцин не обращал внимания на его крики и, прижимая к себе еду, направился обратно в класс. Цзин Сянцы, злясь, поплелся следом, словно его обидели до глубины души.

Поскольку они опасались, что запах лапши разлетится по всему классу, парни догадались устроиться на балконе. Ху Чанцин размешал лапшу, и в воздухе разлился аромат: — Как вкусно пахнет!

— Вот именно! Лапша — это просто божественное лакомство! — Цзин Сянцы не удержался и с шумом сглотнул слюну. — Я приступаю!

— Подожди, подожди, — остановил его Ху Чанцин. Он достал из кармана две сосиски, одну положил ему в лапшу, а другую оставил себе. — Какая лапша без сосиски? Это же всё равно что есть пресную рыбу.

— О-о, вот это вкуснотища!

Двое парней с наслаждением ели лапшу, обдуваемые осенним ветерком. Жизнь была прекрасна.

Гу Бэйхай, поднимавшийся по лестнице, в тот же миг заметил их обоих.

<http://bllate.org/book/27351/3320021>